

ПИСЬМА КНЯЗЯ ДМИТРІЯ ДОЛГОРУКОВА КЪ ОТЦУ

1820 годъ.

Буйукдерэ, 1-го іюля.

Слава Богу, любезный батюшка, вотъ я, цѣль и невредимъ пріѣхалъ къ мѣсту моего назначенія.

Такъ какъ почта отправляется сегодня, а я пріѣхалъ въ Буюкдерэ, мѣсто, гдѣ въ настоящее время находится наше посольство, то я и спѣшу отправить письмо, чтобы сообщить вамъ хоть что нибудь.

Страна, въ которой я нахожусь, такъ красива, что описать ее выше моихъ силъ. Это земной рай.

Баронъ принялъ меня очень хорошо и такъ какъ мой предшественникъ уже завтра уѣзжаетъ на сѣверъ, то онъ объявилъ мнѣ, что съ завтрашняго дня я вступаю въ исполненіе служебныхъ обязанностей. Здѣсь много работаютъ, квартира, столъ, все казенное.

Я истратилъ 7 дней на переѣздъ черезъ Черное море. Противный вѣтеръ все задерживалъ насъ и качка причинила мнѣ много страданій. У меня до сихъ поръ кружится голова и кажется, что передъ глазами ревуція волны. Онѣ были единственными свидѣтелями чувства сожалѣнія, которое я испытывалъ, разставаясь съ родиной—и дай Богъ, чтобы тѣ же волны перенесли меня изъ моего новаго мѣстопробыванія въ нѣдра семьи.

Домъ русскаго посольства великолѣпенъ. У насъ есть большой садъ, куда не смѣетъ войти ни одинъ невѣрный, и гдѣ находятся виноградники и зрѣющіи фруктовыя деревья. Климатъ прелестенъ, и я все время думаю, что именно сюда вамъ надо когда нибудь переѣхать жить. Я еще не былъ въ Константинополь, но судя по каналу, окру-

женному высокими горами и красивыми крѣпостями, столица турокъ должна быть чудомъ свѣта.

Да, любезный батюшка, все это прекрасно, но развѣ возможно вполнѣ насладиться чѣмъ нибудь въ одиночествѣ? Чума здѣсь ослабѣваетъ и въ настоящее время не производитъ большихъ опустошеній. Баронъ принялъ самыя сильныя мѣры предосторожности противъ этого зла, и нашъ домъ запертъ, какъ для приходящихъ такъ и для живущихъ въ немъ, за исключеніемъ вполнѣ надежныхъ людей, такъ что мы ничѣмъ не рискуемъ, впуская ихъ. Вотъ все, что я смогъ пока узнать и увидѣть. Такъ какъ почта отправляется только два раза въ мѣсяць, я постараюсь, дорогой батюшка, сообщать вамъ какъ крупныя, такъ и мелкія событія, которыя будутъ меня касаться.

Въ настоящее время я чувствую себя очень хорошо. Тургеневъ уже здѣсь, но я еще не видалъ его, такъ какъ онъ поѣхалъ въ Константинополь посмотрѣть турецкій праздникъ, который эти господа празднуютъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ поста и который они называютъ *рамазаномъ*.

Ваше послѣднее письмо я получилъ въ деревнѣ у тети Зелецкой; я вамъ безконечно обязанъ за новости, которыя вы были добры сообщить мнѣ относительно всей нашей семьи.

Кончаю письмо, цѣлуя вамъ руку, дорогой батюшка, и выражая чувство сожалѣнія, которое испытываю (даже въ такой прекрасной странѣ) въ разлукѣ съ вами. Природа прекрасна благодаря чувствамъ, которыя мы ощущаемъ; она очаровательна, когда сердце расположено наслаждаться пріятными впечатлѣніями, на насъ ею производимыми, въ противномъ случаѣ она внушаетъ только чувства грусти и сожалѣнія.

Цѣлую маму, сестру и братьевъ. Кланяюсь всѣмъ въ домѣ и передаю мое почтеніе тетѣ.

Дай Богъ, дорогой батюшка, чтобы это письмо успокоило васъ относительно меня и чтобы вы не волновались при мысли, что я далеко, зная, что я нахожусь подъ покровительствомъ Бога, который какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи одинаково печется о насъ. Остаюсь вашъ всегда послушный и преданный сынъ

Дмитрій.

P. S. Я распечаталъ это письмо. для того. чтобы завернуть его въ другой пакетъ. потому что та бумага почти прозрачна.

Я поставленъ въ необходимость еще разъ распечатать свое письмо, дорогой батюшка, чтобы сказать вамъ. что баронъ Строгановъ поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы не сердились на него за то, что онъ не отвѣчаетъ на ваше письмо. Причина та, что, прїѣхавъ въ день отправленія депеши, ему было некогда заняться этимъ, такъ что онъ отвѣтитъ вамъ съ первымъ курьеромъ, который отправится отсюда въ Петербургъ.

Я очень несчастенъ. дорогой батюшка! Вотъ ужъ около двухъ мѣсяцевъ, какъ я совершенно лишенъ извѣстій о васъ, такъ какъ ваше послѣднее письмо, которое я имѣлъ удовольствіе получить отъ васъ, помѣчено 24-мъ Мая, и оно пришло ко мнѣ изъ деревни тети Зелецкой. Сердце разрывается отъ сомнѣній относительно васъ, и такъ какъ я окруженъ чужими, ничто не можетъ разсѣять моихъ печальныхъ мыслей. Вчера, послѣ отправки курьера на сѣверъ, у насъ былъ день отдыха и я блаженствую, имѣя возможность сообщить вамъ новости о себѣ. Слава Богу я чувствую себя прекрасно, утромъ занять службой, а вечеромъ занимаюсь на досугѣ, я незамѣтно провожу время. Мѣсто, которое я занимаю въ посольствѣ даетъ мнѣ много хлопотъ, особенно теперь, пока я еще не привыкъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Баронъ очень хорошо ко мнѣ относится и, по случаю дипломатическаго обѣда, бывшаго у насъ на дняхъ, я былъ имъ представленъ всѣмъ министрамъ, которыми кишитъ *Буюдкдерэ*.

Въ лицѣ *Бутенева*, секретаря нашего посольства, я нашелъ очаровательнаго молодого человѣка, добраго, нѣжнаго, съ начала нашего знакомства и до сегодняшняго дня оказывавшаго мнѣ знаки братскаго вниманія. Какъ дороги на чужбинѣ добрые поступки, и какъ цѣнишь ихъ тамъ! Составъ нашей миссіи, за исключеніемъ Тургенева, прекраснаго человѣка, состоитъ изъ болѣе или менѣе заурядныхъ людей, общество которыхъ отнюдь не любопытно.

Деревня, въ которой мы живемъ, находится въ 18 верстахъ отъ Константинополя и называется *Буюдкдерэ*, что по турецки значитъ *большая долина*. Она окружена очень высокими горами, у подножія которыхъ разбросано множество укрѣпленныхъ мѣстечекъ, которыя дѣлаютъ столицу неприступной. Природа здѣсь всегда прекрасна окрестности Босфора великолѣпны и даютъ возможность пользоваться совершенно новыми удовольствіями и я, Поэтъ въ глубинѣ души, тоскую на лонѣ чудной природы. Она даетъ мнѣ много сладкихъ мгно-

веній, и она то часто вытѣсняетъ изъ моей памяти дорогое прошлое. Буюкдерэ стоитъ на берегу канала и обружающій его Босфоръ похожъ скорѣе на большой прудъ, чѣмъ на что нибудь другое. Мы гуляемъ почти каждый вечеръ, а какъ то разъ были у лѣстницы турецкаго султана.

Это небольшая долина, гдѣ собираются турки, чтобы курить трубки и пить великолѣпный кофе Мокко. Женщины, всѣ закрытыя бѣлыми вуалями, прогуливаются въ запряженныхъ быками телѣжкахъ, колеса которыхъ скрипятъ до того, что ушамъ больно.

Вы удивитесь, должно быть, дорогой батюшка, что я до сихъ поръ не сказалъ вамъ еще ни одного слова о самомъ Константинополѣ. Это потому, что дорога и работа до сихъ поръ мѣшали мнѣ предпринять эту прогулку, и я его еще не видѣлъ. Но природа и пейзажъ, находящіеся передъ моими глазами, красоты такой, что я не сожалѣю о томъ, что не могу выходить. У насъ большой садъ, гдѣ находится множество фруктовыхъ деревьевъ, много цвѣтовъ, изобиліе винограда. Иногда турки угощаютъ насъ своей музыкой, сопровождаемой барабаномъ. Народъ въ Турціи грязенъ, но тихъ и услужливъ.

Баронъ ведетъ здѣсь широкій образъ жизни, а наше посольство наиболѣе уважаемо и блестяще. Здѣсь находится графиня Дегра, которая каждый день пріѣзжаетъ къ намъ въ паланкинѣ и служитъ обществу Посланнику. Остальные, всѣ мы безъ исключенія, хозяйничаемъ и обѣдаемъ въ саду, гдѣ намъ подають обѣдъ съ кухни Барона.....

У каждаго изъ насъ по двѣ комнаты облицованныхъ неполированными мраморомъ, и мы теперь разбогатѣли, потому что расходы наши очень невелики. Русская домовая церковь въ очень хорошемъ состояніи. Каждое воскресенье и большіе праздники въ ней совершается служба, въ полномъ порядкѣ и съ большимъ благоговѣніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ нашей деревнѣ появилась чума, всѣ ведутъ здѣсь скучный образъ жизни. Всѣ двери закрыты; мы посѣщаемъ другъ друга рѣдко и непременно съ большими предосторожностями. Впрочемъ, не безпокойтесь, дорогой батюшка. Чума здѣсь настолько обыкновенная вещь, что она совсѣмъ не кажется страшной и мы ходимъ по улицамъ съ единственной мѣрой предосторожности—не дотрагиваться до прохожихъ. Въ настоящее время она ослабѣваетъ, и вотъ уже двѣ недѣли какъ не было ни одного случая въ *Буюкдерэ*.

Давно не получая отъ васъ вѣстей, я не знаю, гдѣ васъ застанетъ мое письмо. Судя по планамъ, которые вы сообщили мнѣ въ

послѣднемъ письмѣ, я полагаю, что вы въ Шуйской деревнѣ. Мой братъ Павелъ молчитъ съ 6-го мая, и это усиливаетъ мою тоску, я безпрестанно молю Бога о томъ, чтобы онъ помогъ мнѣ быстрой доставкой писемъ.

Между другими странностями турецкаго народа здѣсь у женщинъ есть обычай ходить на маленькихъ ходуляхъ, и какъ только входятъ въ домъ, онѣ снимаютъ ихъ, чтобы не пачкать находящихся въ комнатахъ великолѣпныхъ ковровъ.

Большинство мушкетеровъ вооружены пистолетами и цѣлый день слышится стрѣльба.

Погода здѣсь великолѣпная, а ночи необыкновенно теплыя. Зимую здѣсь, какъ говорятъ, не бываетъ больше четырехъ градусовъ мороза. Вотъ это называется *родина!*

Всѣ мелочи и подробности, которыя я вамъ только что сообщилъ, не могутъ заинтересовать васъ теперь, потому что онѣ приходятъ изъ мѣстности, являющейся обширнымъ предметомъ столицы, о которой разсказываютъ чудеса.

Но я надѣюсь, дорогой батюшка, что когда нибудь мои письма станутъ болѣе цѣнными въ этомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, если вамъ понадобится что нибудь, что можно здѣсь найти и переслать за границу, прошу васъ сообщить мнѣ объ этомъ, дорогой батюшка, потому что я имѣю полную возможность приобрести эти вещи здѣсь, и вы этимъ доставите мнѣ большое удовольствіе. Прощу матушку сдѣлать тоже самое, и молиться за меня Богу, какъ я молюсь за нее.

Такъ какъ мы будемъ отправлять почту два раза въ мѣсяцъ, и каждый разъ постараюсь сообщать вамъ касающіяся меня новости и прошу васъ, дорогой батюшка, сдѣлать милость, поступайте и вы также.

Безъ писемъ съ родины, отъ своихъ, для меня нѣтъ счастья, нѣтъ здѣсь спокойствія. Мнѣ остается только еще разъ повторить эту просьбу и поцѣловать у васъ руку, также какъ и у моей доброй и превосходной матушки.

Остаюсь вашъ всегда покорный и преданный сынъ

Дмитрій.

Цѣлую братьевъ и сестру. Право у меня не хватаетъ времени, чтобы писать каждому отдѣльно, но какъ только у меня будетъ больше досуга, я неукоснительно посвящу его всѣмъ, кто благоволятъ вспоминать обо мнѣ.

—Да будутъ Очи Его отверсты на домъ нашъ день и ночь.

Буюкдерэ, близъ Константинополя, сего 14—26 Июля 1820 года.

Буюкдерэ, 1820 г. сего 16 августа.

Наконецъ то оно пришло, такъ страстно ожидаемое письмо, и съ чувствомъ благодарности къ писавшему его можетъ сравниться только радость, которую я испытывалъ при чтеніи.

Смѣло могу сказать, что это первое истинное удовольствіе, испытанное мною съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ родиной и лишился всего, что могло бы стать для меня источникомъ радости.

Пріятная новость, которую вы соблаговолили сообщить мнѣ относительно улучшенія вашего здоровья удваиваетъ испытываемую мною радость и дай Богъ, чтобы полное выздоровленіе увѣнчало ваше намѣреніе переѣхать на житье въ деревню.

Мало по малу я начинаю привыкать къ варварской странѣ, въ которой живу, хотя бы эта привычка досталась мнѣ цѣною разочарованія. Теперь красота природы не поражаетъ меня такъ, какъ тогда, когда я впервые увидалъ ее, и сильнѣе чувствуется скука со всѣми сопровождающими ее непріятностями. Скрестивъ руки и ноги, склонивъ голову на грудь, я начинаю разсуждать какъ мущина и съ полной покорностью я подагаюсь на волю Божественнаго Провидѣнія. Оно привело меня въ эту страну, и я надѣюсь, что когда нибудь оно же вернетъ меня отсюда.

Съ другой стороны, зная по опыту, насколько жгучія сожалѣнія истощаютъ жалкую человѣческую жизнь, я стараюсь развлекаться вещами, способными внушить мнѣ другія мысли, и чтеніе исторіи занимаетъ меня главнымъ образомъ.

Баронъ очень добръ со мной. Его вспыльчивый характеръ часто доставляетъ непріятности окружающимъ, но подъ конецъ къ нему привыкають, и я тоже надѣюсь когда нибудь достигнуть совершенства.

въ этомъ отношеніи. Со времени отправки нашего послѣдняго курьера мы много отдыхали.

Баронъ досталъ музыкантовъ и каждое воскресенье мы танцуемъ въ палаткѣ.

Наше общество, состоящее изъ всѣхъ иностранныхъ посланниковъ, ихъ милыхъ женъ и хорошенькихъ дочерей, блестяще, и ничѣмъ не отличается отъ того, среди котораго можно вращаться въ первыхъ столицахъ Европы.

Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я не видѣлъ, чтобы хоть одна тучка появилась на ясномъ сводѣ азіатскаго неба, и эта чудная погода умножаетъ наши прогулки по окрестностямъ деревни, гдѣ мы живемъ.

Ничего нѣтъ отвратительнѣе жителей этой страны, и во всѣхъ отношеніяхъ нѣтъ ничего очаровательнѣе ея природы.

Хотя въ окрестностяхъ чума и продолжаетъ производить опустошенія и этимъ мѣшаетъ намъ углубляться въ улицы и, слѣдовательно, изучать вблизи ихъ нравы, также какъ и ихъ странные обычаи, но, судя объ этомъ народѣ на извѣстномъ разстояніи, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго. Порабощенный образомъ правленія и законами религіи, запрещающей всякій успѣхъ просвѣщенія, турки проводятъ свою жизнь около фонтана за куреніемъ табака или питьемъ кофе. Кровожадные по натурѣ, они кладутъ голову на плаху по желанію великихъ людей государства и алчность руководить всѣми ихъ поступками. Этотъ народъ совершенно не похожъ на другія націи. Суевѣрный, подозрительный, онъ одновременно проявляетъ какъ и самую сильную тираннію, такъ иногда и величайшую добродѣтель.

Я чувствую себя прекрасно, любезный батюшка. Я много гуляю, какъ верхомъ, такъ и пѣшкомъ, и я чувствую, что климатъ мнѣ ничуть не вреденъ.

Поработавъ все утро, такъ какъ мое обычное дѣло и лежащая на мнѣ отвѣтственность очень велики, я вечеромъ отдыхаю въ тѣни каштановъ или мечтаю подъ глухой шумъ волнъ, катящихся къ моимъ ногамъ.

Здѣсь все внушаетъ великія и мучительныя мысли и, стоитъ только дать имъ волю, воображеніе унесетъ васъ далеко за предѣлы, предписанныя холоднымъ разсудкомъ.

Съ послѣдней почтой я получилъ письма отъ брата Павла и наконецъ успокоился на его счетъ, потому что молчаніе, которое онъ хранилъ до сихъ поръ, признаюсь, начинало меня тревожить. Послѣдній курьеръ привезъ изъ Петербурга бумаги, въ которыхъ Азіатскій Департаментъ оспариваетъ у меня мѣсто помощника 1-го секретаря, представленное мнѣ и утвержденное Императоромъ.

Эта новость не доставила мнѣ никакого удовольствія. но надѣюсь, что правда на моей сторонѣ и что баронъ принялъ въ этомъ дѣлѣ горячее участіе, я въ концѣ концовъ выиграю его. Тургеневу пишу, будто посланникъ сказалъ, что судно, на которомъ я плылъ, погибло.

Это ложное извѣстіе доставило мнѣ много заботъ, потому что оно могло огласиться раньше, чѣмъ я успѣлъ бы увѣдомить васъ о моемъ благополучномъ прибытіи и тѣмъ доставить большое безпокойство какъ вамъ, такъ и моему брату. Дѣйствительно, въ это время пошли ко дну нѣсколько кораблей, но, слава Богу, не нашъ!

Если въ настоящее время, дорогой батюшка, вашъ планъ приведенъ въ исполненіе и вы находитесь уже въ деревнѣ, близъ имѣнія княгини Куракиной, будьте добры передать княгинѣ мое нижайшее почтеніе и сказать ей, что я пристыженъ тѣмъ, что такъ долго молчалъ передъ лицомъ, которое всегда оказывало мнѣ столько добра и которое я не пересталъ вспоминать съ уваженіемъ; это отнимаетъ у меня смѣлость обратиться прямо къ ней и имѣть честь непосредственно просить удѣлить мнѣ мѣсто въ ея драгоценной, весьма драгоценной памяти.

Братъ Михаилъ пишетъ мнѣ, что недавно вы сочинили двѣ пословицы и что полный успѣхъ увѣнчалъ эти произведенія, какъ всѣ, выходившія изъ подъ пера одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ. Вы доставите очень большое удовольствіе небольшому числу любителей литературы, изъ которыхъ состоитъ наше посольство, если пришлете намъ эти вещи и тѣмъ самымъ пробудите наше притупленное поэтическое воображеніе. Мы глотаемъ книги, которыя доходятъ до насъ, и въ этомъ отношеніи монашеская жизнь, которую мы ведемъ здѣсь, благопріятствуетъ намъ, потому что у насъ есть время для занятій и, слѣдовательно, для пополненія знаній, что было бы невозможно въ странѣ, образъ жизни которой способствовалъ бы развлеченіямъ.

Я очень радъ извѣстію о полномъ выздоровленіи княгини Урусовой. Надежда, которую я все время питалъ, нисколько не обманула меня.

Намѣчается гроза новаго похода и дипломатическая работа усложняется. Кончаю свое письмо, мой добрый, мой дорогой батюшка. нѣжно цѣлю васъ, а также матушку и всю нашу семью. Тысячу и тысячу разъ желаю вамъ исполненія вашихъ желаній и полного спокойствія. У дорогого друга Михаила прошу прощенія за то, что не отвѣтилъ на его милое письмо, которое онъ отправилъ мнѣ 2-го іюля. № 2. Я сдѣлаю это со слѣдующей почтой, а пока прошу его часто присылать извѣстія о себѣ. Прощайте, дорогой батюшка. Цѣлую вашу руку, вамъ навѣки послушный и покорный сынъ

Дмитрій.

Мое почтеніе Шульгиной. ея мужу и сестрѣ.

Буюкдерэ, 2-го Сентября 1820.

Я до такой степени занять сегодняшней посылкой, дорогой батюшка, что съ большимъ трудомъ мнѣ удалось найти удобную минутку, чтобы извѣстить васъ о хорошемъ состояніи моего здоровья, а также поблагодарить васъ за ваше послѣднее письмо, которое я имѣлъ счастье получить. Оно мнѣ надолго доставило удовольствіе, то удовольствіе, котораго я напрасно ищу среди турокъ.

На этотъ разъ я могу многое сообщить вамъ о Константинополѣ, который я наконецъ увидалъ, а также и о иллюминаціи и о праздникѣ, данномъ барономъ по случаю 30-го Августа, и наконецъ о красивомъ зрѣлищѣ, которое представляла наша деревня, полная народомъ, и Босфоръ, весь покрытый судами. Но, къ моему большому сожалѣнію, повторяю, у меня совершенно нѣтъ времени, и я принужденъ отложить описаніе до слѣдующей почты, когда время будетъ болѣе благоприятно моимъ желаніямъ.

Судя по вашему послѣднему письму, я полагаю, что вы находитесь уже въ деревнѣ, любезный батюшка, поэтому я смѣло посылаю письмо въ Шую, въ твердой увѣренности, что оно не замедлитъ дойти къ вамъ.

Я очень тронуть любезностью княгини Куракиной и въ слѣдующій разъ я поспѣшу письменно поблагодарить ее, а пока прошу васъ засвидѣтельствовать ей мною глубочайшую признательность.

Наши занятія идутъ своимъ чередомъ и я по мѣрѣ возможности стараюсь *примѣняться къ характеру* своего начальника, а также старшихъ по службѣ и сотрудниковъ. Я окруженъ людьми, которые желаютъ мнѣ добра, и увѣренность въ этомъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе.

Наше посольство увеличилось прибытіемъ Сердобина, незаконнаго сына князя Алекс. Куракина, нѣжнаго и миролюбиваго молодого человека.

Мы готовимся къ большому балу. на который будутъ приглашены посольства и иностранныя націи. Мы будемъ танцовать въ палаткѣ, устроенной нарочно для этого дня и нашъ садъ будетъ освѣщенъ триумфальными арками.

Очень благодарю матушку за ея доброту. и краснѣю передъ Михайломъ, которому до сихъ поръ не отвѣтилъ на его любезное письмо.

Цѣлую васъ, дорогой батюшка. также какъ и добрую матушку, отъ всего сердца и остаюсь навѣки вамъ почтительный и покорный сынъ Дмитрій.

Тургеневъ просилъ меня передать вамъ поклонъ.

Буюкдерэ, сего 1 Октября 1820.

Къ моему великому огорченію, дорогой батюшка, въ прошлый разъ я принужденъ былъ отказаться отъ мысли написать вамъ. и съ чистой совѣстью объявляю вамъ. что къ этой крайности меня принудили служебныя занятія болѣе сложныя, чѣмъ обыкновенно. Кромѣ того у насъ случилась маленькая непріятность.

Толпа *ямаковъ* или турецкихъ солдатъ явились передъ нашимъ дворцомъ и затѣяли беспорядокъ.

Мы мало огорчились этимъ, но блистательная Порта поснѣшила исправить этотъ досадный случай новыми выраженіями дружескихъ чувствъ и самыми положительными увѣреніями въ томъ, что это больше не повторится. Хотя это маленькое событіе не имѣло никакихъ послѣдствій, оно надѣлало намъ хлопотъ и отчасти послужило причиной моего молчанія.

Я имѣлъ счастье получить ваше письмо отъ 4-го Августа и отъ 18-го того же мѣсяца. Они оба доставили большое утѣшеніе моей душѣ и зажгли въ ней полуугасшую радость. Мнѣ пріятно увѣрить васъ, дорогой батюшка. въ ненарушимомъ обѣщаніи, которое я даю вамъ—не сходить съ добраго пути и особенно соблюдать предписанія религіи, составляющія обязанности хорошаго христіанина. Есть извѣ-

стный возрастъ, когда заблужденія недопустимы. Это бываетъ тогда, когда судьба дѣлаетъ насъ вполне отвѣтственными за наши поступки. Тогда боязнь ошибиться и самому нести за это полную отвѣтственность предохранить насъ отъ пылкости воображенія, такъ хорошо олицетвореннаго *Монтэнемъ*. и мы станемъ разумными вопреки ему.

Мы не выѣзжаемъ изъ Буюкдерэ или нашей *большой долины* и классическая страна—Греція и все что говорится о ней авторами и воспѣвается поэтами, такъ же далеко теперь отъ меня, какъ Гренландія.

Наконецъ я видѣлъ Константинополь, и что касается красоты мѣстоположенія, это чудо природы.

Говоря словами Данте. форма. въ которой его отливала, разбита, и по произведенному имъ на меня впечатлѣнiю я готовъ вѣрить, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ природа не повторяется съ такой красотой и очарованiемъ. Высокія горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. закрываютъ горизонтъ, если смотрѣть со стороны Константинополя. Помѣщаясь между Босфоромъ и мраморнымъ моремъ мысъ Сераля выступаетъ въ каналъ и образуетъ самую замѣчательную его часть.

Сады султана, мечеть святой Софiи и море, окружающее часть гарема, производятъ сильное впечатлѣнiе. Остальная часть города. построенная на высотахъ и растилающаяся вдоль Босфора. представляетъ изъ себя кучу крышъ, гдѣ не различишь ни улицъ, ни площадей, кромѣ только нѣсколькихъ мечетей, покрытыхъ мраморомъ и окруженныхъ минаретами.

Я опишу вамъ, дорогой батюшка. романическій обычай, который я въ первый разъ видѣлъ въ городѣ, гдѣ царитъ Магометъ, и сдѣлаю это со всей поэтической пышностью, на которую только способно мое перо. Если оно не будетъ блестяще, то будетъ по крайней мѣрѣ правдиво.

Прекрасное утро. Мы сидѣли въ лодкахъ. Море было спокойно и блестяло, какъ зеркало хорошенькой женщины.

Чудное солнце освѣщало яркій сводъ неба и горы. убѣгающія вдаль подъ легкой дымкой. постоянно мѣняющіяся, смотря по тому, освѣщало ли ихъ солнце, или падали на нихъ тѣни. Дельфины играли совсѣмъ близко отъ нашей лодки и птицы-рыболовы покачивались на поверхности водъ. При каждомъ новомъ ударѣ весель, неровное теченіе Босфора. скрытое высокими горами, постепенно открывало намъ все новые

виды, одинъ оживленнѣе другого. Крѣпости, разрушенныя башни и домики райи, нѣкоторые окруженныя деревьями и расположенныя въ глубинѣ долинъ, другіе, стоящіе вдоль канала и производящіе чудесное впечатлѣніе. Но сколько разъ я отвращалъ взоры отъ этихъ самыхъ селеній, гдѣ наканунѣ задушили человѣка за то, что нѣсколько дней тому назадъ онъ пожилъ, какъ ему хотѣлось! Босфоръ полонъ подобными зрѣлищами, и можно сказать, что природа такъ хороша здѣсь единственно для того, чтобы лучше утѣшать сердца бѣдныхъ обитателей. Развѣ нельзя было бы, видя образцы такого демократизма, показать—какъ нѣкоторымъ народностямъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ, тираническій образъ жизни, принятый среди *истинно вѣрующихъ*, какъ они себя называютъ? Они увидали бы тогда, какое имѣютъ они право возставать противъ правительства, имѣющаго болѣе или менѣе стойкіе законы, которое даетъ время, а иногда и полную возможность оправдаться и что только это лучшее заставляетъ ихъ искать зла.

Очарованіе, плѣняющее взоръ при входѣ въ Босфоръ, растеть по мѣрѣ того, какъ мы двигаемся впередъ, и достигаетъ высшаго развитія тогда, когда станетъ видна столица. Но здѣсь очарованіе кончается и не идетъ дальше, потому что, какъ только вы вступаете на землю, обманъ зрѣнія прекращается. Вы идете по улицамъ до такой степени отвратительно-грязнымъ, что никакой самообманъ невозможенъ. Собаки и ихъ телѣжки безпрестанно преграждаютъ вамъ путь, вонь, не дающая вамъ возможности вздохнуть, и толпа турокъ, грязныхъ и въ лохмотьяхъ, до которыхъ, по случаю чумы, сохрани васъ Богъ дотронуться, вотъ все, на что вы натолкнетесь. Самая большая улица меньше послѣдняго московскаго закоулка.

Мы спустились въ Перу, въ гавани, и пошли на маленькое кладбище. Это кипарисовый дѣсокъ, гдѣ мертвыхъ сваливаютъ какъ попало. Красивыхъ памятниковъ совсѣмъ нѣтъ; ни одного изящнаго!

Мраморныя плиты, увѣнчанныя чалмой и отвѣсно зарытыя въ яму—вотъ мусульманская могила.

Человѣческіе труны, слегка засыпанные землей, и другія нечистоты заражаютъ воздухъ.

А между тѣмъ для турокъ это *излюбленное* мѣсто прогулокъ, которое для древнихъ ихъ предшественниковъ, если и служило мѣстомъ погребенія, въ то же время было и колыбелью тысячи прекрасныхъ философскихъ мыслей, а османовъ оно заставляетъ заслуживать только больше презрѣнія.

Среди произведеній искусства. видѣнныхъ много въ Константинополѣ. особенно приковывающихъ вниманіе путешественниковъ и которое лишь немного удалось повидать—это мечеть Святой Софіи. Это одно изъ чудесъ древняго міра. и несмотря на то. что полумѣсяцъ сверкаетъ на верху храма. входя въ него, вы чувствуете. что охвачены глубокимъ религіознымъ чувствомъ. не имѣющимъ ничего общаго съ духомъ Пелама.

Въ сравненіе со Св. Софіей храмъ Корана—тюрьма! Въ ней все велико! Все прекрасно!

Колонны изъ порфира и древней яшмы поддерживаютъ тяжелые своды, и чѣмъ ближе вы подвигаетесь къ серединѣ зданія. тѣмъ болѣе всѣ предметы удаляются. расширяются, зданіе кажется выше, а вы сами какъ бы уменьшаетесь. Такъ какъ мы оставались тамъ недолго, то за недостаткомъ времени не могли хорошенько осмотрѣть всѣ подробности.

Пораженный величіемъ общаго впечатлѣнія я. желавшій видѣть все. не видалъ ничего. Многія колонны дали трещины, и все зданіе замѣтно опускается. Намъ показали комнату. которая. быть можетъ, служила когда-то часовней для христіанъ—тамъ еще видны полу-стертые остатки иконъ. Сводъ Св. Софіи весь покрытъ мозаиками. Я купилъ маленький запасъ ихъ у турецкихъ учениковъ. которые продаютъ ихъ въ самой мечети. и при первомъ удобномъ случаѣ я не замедлю прислать вамъ часть этихъ мозаикъ. Это маленькіе кусочки стекла или желтаго состава. оправленного въ гипсъ. Ее можно рѣзать, и дѣлать кресты и другія мелкія украшенія. Правда. она не имѣетъ дѣйствительной цѣнности, но развѣ недостаточно мысли, что это часть цѣлаго. существующаго въ продолженіи почти шести столѣтій. для того. чтобы сдѣлать эту вещь равной по цѣнѣ алмазу? Мы видѣли нѣсколько мечетей, построенныхъ турками. очень красивой архитектуры, но почти всѣ онѣ построены по нѣсколько измѣненному плану Святой Софіи.

Между прочимъ. мы посѣтили одну мечеть. смотритель которой не былъ предупрежденъ о нашемъ посѣщеніи.

Мы сейчасъ же увидали, какъ онъ побѣжалъ закрывать двери съ криками: „невѣрный вошелъ. невѣрный вошелъ!“

Мы посѣщали показать ему Императорскій указъ, и мусульманинъ удалился, скрежеща зубами. Въ общемъ посѣщеніе мечетей очень

опасно. Въ нихъ вы встрѣчаете изучающихъ мусульманскій законъ. почти безъ исключенія—величайшихъ фанатиковъ. доказательствомъ чего служатъ удары. нанесенные ими въ одинъ прекрасный день Италлинскому.

Вотъ, дорогой батюшка. подробности, которыя я въ состоянїи на этотъ разъ сообщить вамъ.

Въ будущемъ онѣ участятся. особенно потому, что я надѣюсь приготовить свои письма заранѣе. и такимъ образомъ не пропускать почтового дня, какъ это случалось со мною нѣсколько разъ. Ибо наши курьеры собираются въ поѣздку иногда за нѣсколько дней, и тогда намъ запрещены всякія частныя дѣла.

Присоединяю къ этому письму маленькую статью о вертящихся дервишахъ, составленную мною самимъ. Мы много видѣли. многому научились, посѣщая Константинополь, но самая счастливая для насъ минута это та. когда, вернувшись домой. никто изъ насъ не чувствуетъ ни головной боли, ни ужаснаго озноба—признаковъ чумы.

Да, можно смѣло сказать, что находясь среди мусульманъ. нужно умѣть смотрѣть въ лицо смерти.

Нужно умѣть ее презирать.

Я чувствую себя. слава Богу. великолѣпно. Занятія и прогулки идутъ своимъ чередомъ. но погода становится холоднѣе и гулять прїятно только верхомъ. Тѣмъ не менѣе вчера. 30-го Сентября или 12 Октября новаго стили. было такъ же тепло, какъ въ разгаръ лѣта. Прекрасная страна!

Мнѣ остается только поблагодарить васъ. дорогой батюшка. за ваше самое послѣднее письмо. которое я получилъ съ помѣткою отъ 4-го Сентября. Я очень огорченъ тѣмъ, что доставилъ вамъ напрасныя волненія по поводу моего здоровья. которое никогда не было лучше. Прошу васъ передать мое низкое почтеніе княгинѣ Куракиной. Цѣлую всю семью и кланяюсь всѣмъ, кто помнитъ еще *маленькаго турченка*. Я въ восторгѣ. что письмо барона доставило вамъ удовольствіе.

До сихъ поръ я могу лишь похвастаться его отношеніями ко мнѣ, какъ родственника и начальника.

Цѣлую вамъ руки. дражайшій и добрый батюшка. Цѣлую руку маменькѣ и поручаю себя вашимъ молитвамъ и вашему благословенію.

Вамъ преданный и покорный сынъ.

Дмитрій.

Статья о вертящихся Дервишахъ.

Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ способовъ, которыми челоѣчество охотно читъ Создателя, нѣтъ ни болѣе страннаго, ни болѣе поразительнаго, чѣмъ способъ Дервишей или вертящихся монаховъ.

Мы смотрѣли, какъ они молятся, Богу, потому что за деньги турки идутъ на все: насъ помѣстили на хорахъ, откуда, изъ за рѣшетки, какъ изъ скрытой ложи, мы, никѣмъ не замѣчаемы, могли видѣть все, что происходило на мѣстѣ религіознаго представленія.

Комната, гдѣ собираются Дервиши, имѣетъ форму осьмиугольника и окружена галлереей, гдѣ находятся міряне-зрители.

Посрединѣ и вокругъ подвѣшаны люстры, на подобіе вазъ. На одной изъ стѣнъ, противъ входной двери, видны надписи, изъ которыхъ одна изображаетъ знакъ основателя ордена, другія—знаки Корана. Это украшеніе и составляетъ алтарь.

Наступаетъ часъ молитвъ, и вы видите, что Дервиши, закутанные въ плащи разныхъ цвѣтовъ (въ этомъ заключается различіе степеней), съ головой, покрытой почти остроконечной шапкой, входятъ въ залъ, почтительно кланяются алтарю, дѣлаютъ два шага назадъ и соблюдая полную тишину, садятся, скрестивъ босыя ноги, на маленькое возвышеніе, окружающій полъ. Начальникъ монастыря, одѣтый въ зеленое, садится на коверъ подъ надписями.

Дѣйствіе начинается стихами, взятыми изъ Корана, которые проносятся начальникомъ, въ то время, какъ остальные монахи время отъ времени касаются пола руками и лбомъ. Другіе принимаютъ различныя положенія, которыя они затѣмъ сохраняютъ. Второе дѣйствіе начинается музыкой; послѣ чего начальникъ поднимается и медленнымъ, важнымъ мѣрнымъ шагомъ дѣлаетъ кругъ по осьмиугольнику.

Приближаясь къ главному мѣсту, онъ каждый разъ почтительно кланяется, повертывается, дѣлаетъ такой же поклонъ слѣдующему за нимъ монаху, и продолжаетъ шествіе. Остальные Дервиши буквально подражаютъ ему.

Между тѣмъ начинается самое странное зрѣлище. Музыка становится громче. и вдругъ вы видите, что Дервиши сбрасываютъ свои плащи, ихъ полотняныя юбки падаютъ. и съ опущенными глазами и скрещенными на груди руками. они, одинъ за другимъ. приближаются къ алтарю.

Теперь они подходятъ къ начальнику. дѣлаютъ ему низкій поклонъ, проходятъ мимо надписей и мало по малу начинаютъ вертѣться. Вотъ они вертятся быстрѣе. еще быстрѣе. руки ихъ освобождаются, вытягиваются горизонтально и черезъ минуту вы видите. что всѣ двадцать Дервишей дѣлаютъ то же самое. Но это странное зрѣлище отнюдь не вызываетъ смѣха. а побуждаетъ погрузиться въ мечты. Оно происходитъ съ большимъ умиленіемъ и такимъ образомъ. подвергаясь самому странному испытанію, монахи этой секты думаютъ этимъ способомъ искупить свои собственные грѣхи, а также грѣхи тѣхъ, кто поручилъ имъ молиться за себя. Среди нихъ былъ мальчикъ 12 или 15 лѣтъ.

Музыка, сопутствующая этому религіозному вальсу, не лишена ни пріятности, ни гармоніи. Она состоитъ изъ бубна, гуслей. флейты и другихъ инструментовъ. Звуки ихъ очень растянуты, и это единственная хорошая музыка, которая существуетъ въ Турціи.

Этотъ обрядъ былъ повторенъ четыре раза подъ рядъ и каждый разъ продолжался $7\frac{1}{2}$ минутъ, что въ общемъ составило полчаса. Способъ вращенія тѣмъ болѣе удивителенъ, что ни одинъ изъ вертящихся не касается ни другого, дѣлающаго тоже самое возлѣ него, ни стѣны. находящейся очень близко. Правда. во время обряда одинъ Дервишъ бродитъ среди нихъ. чтобы помѣшать имъ задѣвать другъ друга. Миѣ удалось даже замѣтить. что нѣкоторые Дервиши дѣлали это искусно, у другихъ же манера разгибаться была ученическая. Въ четвертый разъ начальникъ тоже началъ двигаться, но другимъ способомъ. Онъ не снялъ своего плаща и двигался. одной рукой придерживая воротникъ. что я считаю большой ловкостью. потому что способъ вращаться, держа руки горизонтально распростертыми. облегчаетъ это движеніе, въ то время какъ второй способъ затрудняетъ его.

Окончивъ вальсъ, всѣ Дервиши надѣли плащи и вернулись на свои мѣста.

Молитвы были повторены. затѣмъ всѣ поднялись и начали новую прогулку. Теперь, такимъ же образомъ, какъ они кланялись, они цѣловали другъ другу руки. Этотъ обрядъ смиренія. показавшійся миѣ скорѣе христіанскимъ, чѣмъ мусульманскимъ, внушилъ миѣ мысль,

что онъ могъ быть заимствованъ у греческой религіи. что меня очень удивило. Такъ кончается это богослуженіе Дервишей или вертящихся монаховъ.

Какъ Господь Богъ долженъ жалѣть человѣчество, видя различные способы, употребляемые имъ для того, чтобы вступить на путь спасенія. Одни танцуютъ, другіе изнуряютъ себя.

Счастливы тотъ, кто въ простотѣ сердца своего почувствовалъ Бога.

Буюкдерэ, сего 15 Октября (27 н. с.) 1820 г.

Послѣдняя почта, т. е. 13-го Октября, не принесла мнѣ ничего отъ васъ, мой дорогой батюшка. Отсутствіе новостей отъ васъ доставляетъ мнѣ какъ заботы, такъ и волненія и усиливаетъ скуку, которую я испытываю. Я нѣсколько разъ перечиталъ письмо, которое вы имѣли любезность написать мнѣ, и я смертельно боюсь, что волненія, испытанныя вами относительно моего здоровья, были умножены письмомъ, которое я отправилъ въ *Шую*, думая, что вы уже тамъ. Теперь, когда вы въ виду приближенія дурной погоды, приняли твердое рѣшеніе не покидать Москвы, моему письму придется сдѣлать большой кругъ, прежде чѣмъ оно дойдетъ до васъ. Всѣ эти предположенія доставляютъ мнѣ сильное безпокойство, и съ неменьшимъ нетерпѣніемъ я буду ждать почты, которая должна разсѣять мои опасенія на этотъ счетъ.

Погода здѣсь такъ хороша, что даже ночью жарко гулять въ пальто. Зелень свѣжѣе и ярче, чѣмъ когда нибудь, и деревья забыли, что пора обнажаться отъ листвы. Съ другой стороны наша деревня становится все пустыннѣе и пустыннѣе. Многіе послы покинули ее, чтобы отправиться къ другимъ дворамъ, а тѣ, которые не были переведены на другія мѣста, возвратились въ свои зимнія гнѣзда въ Константинополь.

Послѣдняя надежда остается на прогулки, и я не упускаю возможности упражняться въ верховой ѣздѣ. Иногда мы ѣдимъ очень далеко, и цѣлью намъ всегда служить какой нибудь памятникъ старины, находящійся въ окрестности, и который мы осматриваемъ изъ любопытства.

Въ одинъ прекрасный день мы еще разъ были въ Константинополь. Мы сдѣлали это съ цѣлью посмотреть *византійскій базаръ* или

турецкія лавки. Онѣ находятся въ огромномъ зданіи еще древнихъ временъ. Это рынокъ почти всего востока. Видъ его очень красивъ, и богатства очень значительны. Послѣ этого посѣщенія мы отправились осматривать древній водоемъ, который поддерживаютъ нѣсколько сотъ колоннъ. Величественный и прекрасный памятникъ старины!

Тамъ на многихъ колоннахъ видны остатки греческихъ крестовъ, и мусульмане свѣшаютъ показать ихъ христіанамъ. Оттуда мы отправились въ звѣринецъ Султана, и тамъ мы видѣли прекраснѣйшихъ львовъ дикихъ странъ. Я видѣлъ также ипподромъ. Но увы! Какъ все измѣнилось! Теперь это мѣсто засыпано мусоромъ, и стало въ четыре раза меньше, чѣмъ было когда то. Но видъ Св. Софін и воображеніе, дополняющее все, до сихъ поръ дѣлаютъ это мѣсто прекраснымъ и достойнымъ уваженія. Я постараюсь, любезный батюшка, достать вамъ нѣсколько миниатюрныхъ рисунковъ.

До сихъ поръ я могу только похвастаться отношеніями ко мнѣ барона. Онъ продолжаетъ быть то строгимъ, то снисходительнымъ, смотря по тому, чего требуютъ обстоятельства. Наше посольство со дня на день становится многочисленнѣе, и лица его составляющія все прекрасные товарищи по службѣ. Я самъ чувствую себя великолѣпно.

Недавно у насъ былъ большой балъ. Всѣ посольства и всѣ національности были на немъ. Танцовали до двухъ часовъ, и я еще разъ могу подтвердить, что никакое собраніе, какъ бы блестяще оно ни было, не въ состояніи развлечь насъ, если сердце не принимаетъ въ немъ никакого участія. Все забавляетъ лишь поверхностно. Всѣмъ наслаждаешься на половину.

Мнѣ очень досадно, дорогой батюшка, что мы не находимся въ прямомъ сообщеніи съ Москвою и что я не могу присылать вамъ съ курьерами различныхъ мелкихъ вещицъ, которыя можно найти здѣсь и которыя рѣдки въ другой странѣ. Но съ первымъ удобнымъ случаемъ я не замедлю прислать вамъ коверъ.

Я очень благодаренъ вамъ за новости, о братѣ Павлѣ, которыя вы имѣли любезность сообщить мнѣ.

Вотъ уже 3 мѣсяца какъ я лишень извѣстій отъ него, и только отъ Тургенева я узнаю о томъ, что происходитъ на сѣверѣ.

Позвольте мнѣ, дорогой, повторить вамъ о концертѣ съ участіемъ небольшого числа находящихся здѣсь любителей литературы, и передать

вамъ ихъ просьбу прислать намъ ваши послѣднія произведенія. Я знаю, что это очень дорого, но если войти въ соглашеніе съ Тушковскимъ такимъ образомъ, чтобы нужная для пересылки пакета сумма могла быть уплачена здѣсь, это было бы очень удобно для меня и избавило бы васъ отъ крупной и лишней траты.

Какъ мнѣ обидно, что я долженъ одинъ наслаждаться прелестями здѣшней природы! Какъ я хотѣлъ бы перенести васъ въ эту страну, дорогой батюшка! Она прекрасна, до такой степени прекрасна, что описать ее невозможно!

Кончаю это письмо просьбой передать мое низкое почтеніе княгинѣ Куракиной. Цѣлую всю мою семью и молю Бога о ея сохраненія. Такъ какъ я знаю, что вы всегда передаете мои письма матушкѣ, я не пишу ей отдѣльно и надѣюсь, что она будетъ настолько свисходительна, что простить мнѣ это. Прощайте, дорогой батюшка. Цѣлую ваши руки и, поручая себя вашему благословенію и вашимъ отеческимъ молитвамъ, остаюсь навсегда вашъ покорный и преданный сынъ.

Дмитрій.

Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ, дорогой батюшка, за ваше письмо, помѣченное 4-мъ Октября, которое я имѣлъ счастье получить. Я проглотилъ его съ удвоенной радостью, послѣ молчанія, которое вы хранили прошлую почту. Мнѣ пріятно, дорогой батюшка, отдавать отъ васъ мнѣніе, составленное вами относительно моихъ предположеній писать вамъ одинъ разъ въ мѣсяць. Какъ можетъ это быть, если я живу одной радостью—получать отъ васъ новости, а также и тѣмъ, чтобы сообщать вамъ свои?

Самая важная статья вашего послѣдняго письма, т. е. извѣстіе о беременности моей сестры, меня очень утѣшило. Да будетъ благословенна воля Божія! Батюшка, вы скоро станете дѣдомъ, званіе, къ которому вы давно стремились. Мнѣ остается только пожелать, чтобы будущій внукъ благополучно появился на свѣтъ, чтобы онъ составилъ счастье родителей и еще тѣснѣе скрѣпить соединяющія ихъ узы. Антонина и Сергѣй имѣютъ полное право сердиться на меня, но что же дѣлать? Я по уши погруженъ въ дипломатическую работу, и конечно, не развлечения принуждаютъ меня хранить молчаніе.

Вотъ ужъ цѣлую недѣлю мы съ утра до вечера работаемъ надъ приготовленіемъ къ походу.

Я чувствую себя, слава Богу, вполне хорошо и нашъ образъ жизни не мѣняется. Всегда одно и то же: утромъ за работой, вечеромъ въ библиотекѣ читаемъ или паримъ въ пространствѣ.

Такъ идетъ наша жизнь. Погода у насъ сырая и прохладная. Вчера была гроза, надѣлавшая мною бѣды какъ на землѣ, такъ и на морѣ.

Со вчерашней почтой я получилъ письмо отъ брата Павла, который пишетъ объ аудіенціи у Гурьева и его обѣщаніи предоставить брату на выборъ первую вакансію вице-губернатора, которое представится.

Я недостоенъ посылки, которую княгиня Куракина изволила отправить мнѣ. Я читалъ ее и горжусь ею, и хотя въ глубинѣ души сознаю, насколько я виноватъ, и никогда не соглашусь, что я такъ добръ. Пожалуйста, дорогой батюшка, передайте мое почтеніе княгинѣ, умоляю васъ, походатайствуйте у нея о моемъ прощеніи, и когда она будетъ среди моей семьи, соблаговолите засвидѣтельствовать ей мое глубокое сожалѣніе о томъ, что я отсутствую.

Загоскинъ, кажется, уже въ Москвѣ, такъ какъ онъ руководитель и главное дѣйствующее лицо вашихъ спектаклей. Самъ онъ не можетъ хорошо играть въ комедіи, но я думаю, что онъ способенъ отлично наладить ее. Посылаю ему дружескій привѣтъ.

Чувствую себя усталымъ, потому что мало спалъ и много работалъ, а потому на этотъ разъ прошу у васъ снисхожденія, любезный батюшка. Надѣюсь, что въ слѣдующій разъ у меня будетъ больше досуга, потому что отправка курьера не совпадетъ съ писаньемъ письма. Пусть, по крайней мѣрѣ, это письмо увѣритъ васъ въ хорошемъ состояніи моего здоровья! Заканчиваю его благодарностью брату Михаилу за его письмо и его терпѣніе, цѣлую всю семью, добрую тетюшку и цѣлую вамъ руки, такъ же какъ и дорогой доброй матушкѣ. Еще разъ, любезный батюшка, соблаговолите простить мнѣ краткость письма, мое царпанье, такъ какъ и то, и другое я дѣлаю противъ воли.

До сихъ поръ я чувствую себя очень хорошо въ обществѣ барона, а также и моихъ товарищей по службѣ. Остаюсь навѣки преданный и покорный сынъ

Д м и т р і й.